

II. ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2022-11-2-711-719>

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРЕВОДУ СТАТЬИ АЛ. КОЖЕВА «ЗАМЕТКА О ГЕГЕЛЕ И ХАЙДЕГГЕРЕ» ЗАМЕТКА КОЖЕВА В СЕБЕ И ДЛЯ СЕБЯ*

ИВАН КУРИЛОВИЧ

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник.
Российский государственный гуманитарный университет.
125047 Москва, Россия.

E-mail: kurilovich.i@rggu.ru

Статья имеет целью контекстуализировать и проблематизировать впервые вводимую в русскоязычный научный оборот «Заметку о Гегеле и Хайдеггере» Александра Кожева, написанную им в 1936 г. и при жизни не публиковавшуюся. Перевод «Заметки» с разрешения правообладателей публикуется здесь же, в этом номере журнала. Настоящая статья представляет общее введение в философию Александра Кожева, показывает возможные стратегии чтения работ этого философа и место переведенной «Заметки» в корпусе его текстов, описывает философские и исторические обстоятельства написания переведенного сочинения, а именно то, что «Заметка» была сочинена как продолжение рецензии на книгу Альфреда Дельпа «Трагическое существование. О философии Мартина Хайдеггера» — рецензия была написана и опубликована Кожевом в том же году в «Recherches philosophiques». Предлагаемая здесь статья восстанавливает линии референций, учет которых необходим для понимания мысли Александра Кожева, и дает критику отдельных положений. Наконец, на основе анализа языка Кожева предлагается более широкий тезис об эпистемологических проблемах философии Кожева, обнаружение которых им самим привело к ряду вызывающих дискуссии заявлений философа в области философии истории (о необходимости активного участия философа в реализации конца истории), антропологии (об отличии людей по способности стать философами или мудрецами в зависимости от не вполне определяемых ими философско-религиозных установок, мировоззрения), а также к решению

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-011-00948 «Культурный трансфер между Россией и Францией в контексте феномена русского зарубежья: новые архивные материалы».

© IVAN KURILOVICH, 2022

Кожева оставить академическую науку и обратиться к идеологическому и дипломатическому обеспечению экономической интеграции европейских государств в годы холодной войны.

Ключевые слова: перевод, французское неогегельянство, Гегель, Хайдеггер, феноменология, мировоззрение, *Befindlichkeit*, философия истории.

THE PREFACE TO THE TRANSLATION OF AL. KOJÈVE'S ARTICLE "NOTE ON HEGEL AND HEIDEGGER" KOJÈVE'S NOTE IN-AND-FOR-ITSELF*

IVAN KURILOVICH

PhD in Philosophy, Senior Researcher.
Russian State University for the Humanities.
125047 Moscow, Russia.
E-mail: kurilovich.i@rggu.ru

This article aims to contextualize and problematize Alexandre Kojève's *Note on Hegel and Heidegger*, written in 1936 and unpublished during his lifetime, which is being introduced into Russian-language scholarship. A translation of the *Note* is published in the same issue with the permission of the copyright holders. This paper provides a general introduction to Kojève's philosophy, illustrates possible reading strategies for Kojève and the place of the translated *Note* in his corpus of the philosopher's texts, and describes the philosophical and historical circumstances of the text, namely that it was composed as an extension of a review on *Tragische Existenz. Zur Philosophie Martin Heidegger* by Alfred Delp written and published by Kojève that same year in *Recherches philosophique*. The article reconstructs the lines of reference that are essential to understanding Alexandre Kojève and provides a critique of certain statements. Finally, on the basis of an analysis of Kojève's language, it offers a broader thesis on the epistemological problems of Kojève's philosophy, the discovery of which led him to make a series of debatable statements in the philosophy of history (on the necessity for the philosopher to participate in the realization of the end of history), in anthropology (on the difference between people in their capacity to be philosophers or sages depending on a philosophical and religious attitude that is not entirely dependent on them), and in his decision to leave academia and turn to the ideological and diplomatic provision of economic integration of European states during the Cold War.

Keywords: translation, french neo-hegelianism, Hegel, Heidegger, phenomenology, worldview, *Befindlichkeit*, philosophy of history.

Кожев — провокационный интеллектуал от философии, которому в 2022 г. исполнилось бы 120 лет, но для него принципиально было называться именно «смертным богом» (Rosen, 2000, 214; Kojève, 2003, 503, 610). Его биография — уже неоднократно описанный приключенческий роман (Auffret, 1990; Filoni,

* This article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-011-00948 "Cultural Transfer between Russia and France in the Context of the Russian Abroad Phenomenon: New Archival Materials".

2010): Москва — вынужденная эмиграция в Гражданскую войну в Германию — изучение восточных языков — диссертация по Соловьеву у Ясперса — увлечение Хайдеггером и интеллигентские подработки в Париже — знаменитый курс по Гегелю, собравший вместе А. Бретона, Ж. Батая, Ж. Лакана, Р. Арона, М. Мерло-Понти, Р. Кено и других, — эксцентричный сталинизм — участие в Соппротивлении — становление евробюрократом, который, как Рембо из поэзии, ушел из университетской философии, оставив ее делом выходного дня, — деловые путешествия по планете с фотоаппаратом (Groys, 2013) — безгливость к Красному маю (Aron, 2002, 526) — наконец, смерть летом 1968 г. в Брюсселе на переговорах о таможенных тарифах подобно Мольеру, скончавшемуся на сцене, где сам играл роль в постановке по своей пьесе.

Оценки Кожевом специалистов в области философии презрительны. Он «искал не философов, а мудрецов» (Kojève, 1968, 18–20), соответственно, и к себе, и к читателю или собеседнику у него сложное отношение: он пытался познать самого себя (Kojève, 2021, 43), и можно было бы ждать, что он будет говорить об этом всерьез, но большинство людей он равными не признавал, они — предмет его интеллектуальной игры, которую он тоже презирал как способ изменения своего места в иерархии или повышения продаж своих работ, и оправдывал лишь если она была незаинтересованным снобизмом или велась ради достижения конца истории, отчего Кожев и ушел в дело евроинтеграции. Поэтому в своих работах он типичный «недостоверный рассказчик» — нужно прислушиваться, кому и в каких обстоятельствах Кожев говорит, чтобы точнее понять его собственную позицию, ведь в этот самый момент он может желать спровоцировать возмущение и несогласие (Strauss, 1997, 364–365), эпатировать буржуа (Rosen, 2000, 214).

1. «РЕЦЕНЗИЯ» КАК ПОВОД

«Заметка о Гегеле и Хайдеггере» — редкий пример откровенности Александра Кожева образца 1936 г., уже увлеченного «Феноменологией духа», — последнее замечание важно, так как позиция Кожева в ходе жизни менялась. Как написал издатель «Заметки» Бернар Эсбуа, она была попыткой Кожева самому себе прояснить «его двойное прочтение Гегеля через Хайдеггера и Хайдеггера через Гегеля» (Hesbois, 1993, 29). Аналогичным по качеству погружения в его мысль мы находим также опубликованную посмертно рукопись «Атеизм» (1929), вдохновенную «Бытием и временем», и работу «Понятие, время и речь» (1952). Все прочие тексты Кожева важны и значимы, и по ним мы можем вос-

становить линии проблематизации и аргументации, стремления построения системы и оценки из ее перспективы современных Кожеву событий, особенно в случае писем. Но с ними мы всякий раз оказываемся в интерпретативном танце между аудиторией, которая всегда Кожеву положительно или отрицательно небезразлична, ситуацией говорения, особенностями философии Кожева того или иного периода и предпосылками его мысли. Разного рода провокационными или уклоняющимися вставками полны диссертация по Соловьеву, лекционный курс, множество рецензий, докладов, служебных записок и подготовленных к публикации изданий, переписка. Ранний Кожев в большей мере отличался стремлениями к почти беспорядочной эффектности высказывания, Кожев периода Практической школы высших исследований, как он признавался, в стремлении «поразить умы» систематизировался и был занят «делом пропаганды» (Jarczyk & Labarrière, 1990, 134), а в послевоенном творчестве мы чаще всего наблюдаем большие систематические притязания метафизической, историко-философской и историософской направленности, где значительные усилия уделены не раскрытию оснований собственной философии, а непротиворечивому изложению колоссальных объемов античной мысли, философии нововременной науки или наследию Канта. Тем самым «Заметка» представляется нам крайне ценным источником философии Кожева в ее становлении.

Кожев писал «Заметку о Гегеле и Хайдеггере» в 1936 г., готовя рецензию на ныне забытую книгу Альфреда Дельпа «Трагическое существование. О философии Мартина Хайдеггера». В *Recherches philosophiques*, журнале своих друзей, ближайшим из которых был Александр Койре, Кожев написал немало рецензий, коротенькая книга Дельпа стала очередным упражнением Кожева в несколько надменной критике, но заметка к рецензии, оставленная в стол для себя, оказалась в 3–4 раза длиннее и многократно интереснее. Время выхода книги и написания рецензии пришлось ровно на середину знаменитого курса Кожева в Практической школе высших исследований под названием «Религиозная философия Гегеля» (1933–1939), но запомнившегося всем по названию авторизованной Кожевом публикации его лекций — «Введение в чтение Гегеля» (1947).

В самой рецензии Кожев обнаруживает у Дельпа расхожее и некритическое понимание Хайдеггера, игнорирование в нем, собственно, философски нового, и незаслуженные похвалы философу XX в. за то, автором чему являлся философ века XIX — Гегель (Kojevnikoff, 1936, 416). Кожев не согласен с Дельпом, который ввел мировоззренческий принцип размежевания укорененной в бытии «духовной» католической мысли и «духовную бездомность» (Delp, 1935, 6), «утрату духовной родины» (Kojevnikoff, 1936, 415) линии «Возрождение — Гуманизм —

Реформация и Просвещение — Эмпиризм — Рационализм — Логицизм» (Delp, 1935, 7), которую венчал «такой далекий и оттого такой бледный дух гегелевской диалектики» (Delp, 1935, 9). Если, согласно Дельпу, логицизму противостоит философия существования от Кьеркегора и Ницше, через Бергсона, Дильтея (сюда же Кожев добавляет и Гуссерля), Шелера, Зиммеля и Хайдеггера, то для Кожева это чистое недоразумение — все их внимание к человеческому существованию вторично и беднее, чем таковое можно встретить в «Феноменологии духа» и более ранних сочинениях Гегеля (Kojevnikoff, 1936, 416).

Критикуя слова Дельпа о том, что всякая философия является мировоззрением (Delp, 1935, 101), в случае Хайдеггера — экзистенциального, Кожев излагает идеи, важные для его собственной философии — для чего обращается к специфически им понятому хайдеггеровскому понятию «расположения» (*Befindlichkeit*) или «эмоциональной установки человека-в-мире» (*l'attitude émotive de l'Homme-dans-le-monde*) (Kojevnikoff, 1936, 417), и эти положения рецензии читателю имеет смысл соотнести с написанным в «Заметке». Согласно Кожеву, дискурсивное выражение эмоциональной установки в качестве картины мира называют мировоззрением, и до научной революции не-философы не отделяли одного от другого: с Античности и до Возрождения люди думали, что жили в «мире», а не в «мировоззрении», как одном из «воззрений» на мир, не было и картины мира, с которой бы соотносился субъект, т. е. указанные кавычки для них отсутствовали. Философия же обнаруживает и проблематизирует указанные кавычки, т. е. знает, что так называемый мир является «миром», т. е. некоторым воззрением на мир, определенным эмоциональной установкой, и стремится получить мир как таковой. Для этого философ анализирует онтологические условия имеющегося *Befindlichkeit*,

каким должен быть *реальный* (объективный) мир, чтобы это субъективное отношение было возможным, и чтобы он *являлся* так, как он является [...] здесь есть трудность (которая всегда ощущалась философами и была ясно сформулирована Гегелем): чтобы суметь раскрыть бытие *всего*, что есть, то есть Бытие в качестве *Бытия как такового* (*l'Être en tant qu'Être tout court*), необходимо предварительно проанализировать *тотальность субъективных отношений* (реальных или возможных), которая открывает различные аспекты *существующего* бытия. (Kojevnikoff, 1936, 418)

что и пытался, по мнению Кожева, сделать Гегель в «Феноменологии духа». Эта мысль продолжается в «Заметке»: предполагается противопоставление «факта», например, «самоочевидного факта я» или «самосознания», т. е. «конкретного реального», на основании которого можно строить онтологию и антро-

пологию, с *Befindlichkeit*, выраженным в общих словах, «абстракциях», таких как «свобода» и «автономия», на основании которых строится мировоззрение. По этой причине Хайдеггер, как в своем прочтении утверждал Кожев, начинает философию не со свободы, а с факта самосознания — основания для построения философской антропологии и онтологии. Соответственно, ценность трудов Хайдеггера до 1936 г. состояла, согласно Кожеву, не в систематизации экзистенциалистского мировоззрения, а в новой онтологии, которая должна была получить изложение в тогда еще ожидавшемся 2-м томе «Бытия и времени» и заменить ошибочную онтологию «Науки логики» Гегеля — и в еще только наметившемся свете новой онтологии Хайдеггер в 1-м томе предпринял небезупречную попытку исправляющего воспроизведения ключевых положений «феноменологической (“экзистенциальной”) антропологии “Феноменологии духа”» (Kojevnikoff, 1936, 418). Что же до Дельпа, то Кожев не удержался от следующих слов в заключение рецензии: «Чтобы избежать возможного недопонимания, мы хотели бы подчеркнуть, что объем данной рецензии должен отражать лишь то значение, которое мы придаем философскому творчеству Хайдеггера. Что касается книги господина Дельпа, то мы можем резюмировать наше отношение к ней, посоветовав ее не читать» (Kojevnikoff, 1936, 419).

2. ПЕРЕ-ПЕРЕВОД

Чтение «Заметки о Гегеле и Хайдеггере» представляет собой труд особого рода еще в оригинале, так как текст Кожева является сравнением на французском языке немецких философов Гегеля и Хайдеггера с претензией на их синтез и развитие их идей в духе двух других немецкоязычных мыслителей, Маркса и Ницше, с параллельным критическим анализом и инверсией схоластически-картезианских латинских формул. При этом сам перевод Кожевом Гегеля и Хайдеггера на французский язык содержал крайне сильный толкующий элемент, неслучайный в последующей интерпретации. Вот несколько примеров толкующих переводов Кожева из «Заметки»:

Macht — puissance-active;

Selbsetzen — position-active-de-soi;

Seiende — ce-qui-est-comme-donnée-statique, а также l'être-statique-donné;

Befindlichkeit — présence-pratique-et-émotive — et non purement «theorique»;

Zweck — ce-qui-n'est-pas-encore.

Дополнительная сложность — в переводе на русский язык 20-х гг. XXI в., который в отличие от французского языка 30-х гг. XX в. давно лишен преимуще-

ства наивности от отсутствия переводов названных немецких философов — смещения смыслов, внесенные Кожевом при переводе с немецкого на французский язык, при их переводе на русский делают тексты существенно отличающимися от общепринятых переводов с немецкого оригинала, прежде всего переводов Гегеля, поэтому предлагаемый в данном номере текст «Заметки» снабжен подстраничными примечаниями переводчика, раскрывающими то или иное небесспорное решение. Вместе с тем никакое примечание не вместило бы анализ выбранной Кожевом стратегии межязыкового и концептуального перевода, реализация которой подтверждается на протяжении всего корпуса работ философа, этому мы уже посвящали отдельное исследование (Kurilovich, 2018a; Kurilovich, 2018b).

В заключение нам остается один сюжет, имеющий непосредственное отношение к пониманию «Заметки» на русском языке: характерное для французского изменение значений отдельных слов в зависимости от артикля используется Кожевом как основание для смысловой связки понятий. Так, мы хотели бы обратить внимание на первую из двух концевых сносок «Заметки», являющуюся пространственным примечанием на беспокоившую Кожева тему выбора и смены установки мышления, от которой зависит, будет ли человек не-философом, философом или мудрецом. Как Кожев многократно повторял с конца 1920-х годов, не всякий атеист философ, но всякий философ атеист, даже если он сам этого не признает, а значит, Кожеву важно найти ошибку Декарта в интерпретации онтологического аргумента в третьем метафизическом размышлении и желательно уметь ее продемонстрировать всякому разумному оппоненту, дабы тот впредь был осторожнее и из не-философов дал себе шанс философом стать, а далее — и мудрецом. Согласно Кожеву, понятие трансцендентного бесконечного мыслящего существа, бога, не выводится из фактов, данности, оно предлагается сразу готовым — «по определению», как он говорит. А все достойные внимания «доказательства» бытия бога так или иначе можно свести к картезианскому, схематично пересказываемому Кожевом в примечании: в конечном счете, утверждают, что конечное «я» не может породить мысль о бесконечном, но, так как мысль о бесконечном в моем конечном мышлении есть, ее источником должно быть бесконечное мышление. И здесь мы наблюдаем игру слов: *une pensée* в переводе с французского и «мысль», и «мышление», т. е. конечная мысль — конечному мышлению (и, снова возможная подмена, мышлению конечного), а бесконечная мысль — бесконечному. « *Cette pensée infini est la pensée de l'être infini* » — показательный, но не единственный такого рода пассаж Кожева, приведенный им для изложения Декарта, дает комбинацию переводов: « *cette pensée infini* » — «эта бесконечная *мысль*» или «это бесконечное

мышление», « *est la pensée* » — «является мыслью» и «является мышлением», « *de l'être infini* » — это и «бесконечного *бытия*», и «бесконечного *существа*». Последнее возможно благодаря тому, что *être* в неопределенном артикле — «существо», а в определенном — «бытие», но так же «существо», если оно определено, а в определенности разговора о боге здесь сомневаться не приходится. Зато с неопределенным артиклем далее Кожев вспоминает о «пространстве» как *un être infini* — «бесконечном существе», которое не мыслит и богом не является, хотя последнее можно было бы перевести и как «некоторое бесконечное бытие». Угловыми скобками в переводе мы ценой удобства чтения сохранили данные двусмысленности. Указанный способ косвенной аргументации ведется Кожевом с не вполне ясной целью: либо для демонстрации несостоятельности критикуемой им позиции — но и в собственных положениях он продолжает ту же языковую игру, а значит, это предположение сомнительно; либо в дидактически-суггестивных целях, как уловка, чтобы выдать догму за обоснованное положение, но последнее бессмысленно в тексте, написанном для самого себя. Наконец, это можно принять за иллюстративный прием, которым Кожев стремился показать равную допустимость как суждений о свободном конечном субъекте, который способен самостоятельно мыслить идею бесконечного либо мнить, что ее мыслит, так и о рабском конечном субъекте, мыслящем идею бесконечного посредством бесконечного существа. И добавляет он: «...похоже, что ни одна из сторон не может убедить другую».

Способность и неспособность окончательно доказать и убедить даже себя, не говоря об аудитории — вот проблема, к которой Кожев обращался не раз. Так, если принимать всерьез схему Рикера о смене поколения «трех Н» (Гегель, Гуссерль, Хайдеггер) поколением «трех мастеров подозрения» (Ницше, Маркс, Фрейд), то Кожев будет сразу в обоих поколениях именно из-за неснимаемого разумной речью доведка личности, двойного дна, как бы оно ни понималось. Как мы можем судить по многим другим текстам и по биографии философа, он был разочарован в дискурсивном потенциале, в частности в вопросе доказательности атеизма (Kojève, 2007, 471) и конца истории (Kojève, 2010, 132), — от этого он раз за разом возвращался к проблеме границ мыслимого, мировоззрения и исходных установок мышления. Искомое им окончательное познание себя и мира, т. е. мудрость, оказывается вписанным в действительность — «Мудрость становится возможной лишь в тот миг, когда все возможные цели Человека на самом деле достигнуты» (Kojève, 2003, 510), но коль скоро они еще не достигнуты, Кожев хотя в первые годы Второй мировой войны и вспоминает, что субъект «конца истории» может быть коллективным (Kojève, 2021, 61), лично после войны обращает-

ся к марксистскому тезису перехода от созерцательной теории к практике труда и борьбы и в нем находит свое призвание (Кожève, 2003, 503).

REFERENCES

- Aron, R. (2002). *Memoirs: 50 Years of Reflections on Politics*. Rus. Ed. Moscow: Ladomir Publ. (In Russian)
- Auffret, D. (1990). *Alexandre Kojève: la philosophie, l'État, la fin de l'histoire*. Paris: Grasset: Collection Figures.
- Delp, A. (1935). *Tragische Existenz. Zur Philosophie Martin Heideggers*. Fribourg-en-Brigau: Herder and Co.
- Filoni, M. (2010). *Le philosophe du dimanche. La vie et la pensée d'Alexandre Kojève*. Paris: Gallimard.
- Groys, B. (2013, June 19). *Alexandre Kojève: The Sage as Photographer* [Video File]. Retrieved from <https://mediarep.org/handle/doc/18909>
- Hegel, G. W. F. (2000). *Phenomenology of Spirit*. Rus. Ed. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Heidegger, M. (1993). *Time and Being: Articles and Speeches*. Rus. Ed. Moscow: Respublika Publ. (In Russian)
- Heidegger, M. (1997). *Being and Time*. Rus. Ed. Moscow: Ad Marginem Publ. (In Russian)
- Heidegger, M. (2001). *Basic Problems of Phenomenology*. Rus. Ed. Moscow: The Higher Religious Philosophical School Publ. (In Russian)
- Hesbois, B. (1993). Presentation: Note inédite sur Hegel et Heidegger. *Rue Descartes*, 7, 29–34.
- Jarczyk, G. & Labarrière, P.-J. (1990). Alexandre Kojève et Tran-Duc-Thao. Correspondance inédite. *Genèses*, 2 (1), 131–137. Retrieved from http://www.persee.fr/doc/genes_1155-3219_1990_num_2_1_1033
- Kojève, A. (1968). « Les philosophes ne m'intéressent pas, je cherche des sages », entretien avec Gilles Lapouge. *La Quinzaine Littéraire*, 53, 18–20.
- Kojève, A. (2003). *Introduction to the Reading of Hegel*. Rus. Ed. Moscow: Nauka Publ. (In Russian)
- Kojève, A. (2007). *Atheism and Other Works*. Rus. Ed. Moscow: Praxis Publ. (In Russian)
- Kojève, A. (2010). Hegel, Marx and Christianity. *Voprosy filosofii*, 10, 128–143. (In Russian)
- Kojève, A. (2021). *Sofia — Philosophy and Phenomenology*. Rus. Ed. Moscow: Praxis Publ. (In Russian)
- Kojevnikoff, A. (1936). Ref. op.: Delp A. Tragische Existenz. Zur Philosophie Martin Heideggers. Fribourg-en-Brigau: Herder and Co, 1935. *Recherches philosophiques*, 5, 415–419.
- Koyré, A. (1971). *Études d'histoire de la pensée philosophique*. Paris: Gallimard.
- Kurilovich, I. S. (2018a). Rational Foundations of Conceptual Translation: The Case of Hegel-Heidegger Phenomenology in the Works of Alexandre Kojève. Article Two. *Vestnik RGGU*, 4, 25–32. (In Russian)
- Kurilovich, I. S. (2018b). Rational Foundations of Conceptual Translation: The Case of Hegel-Heidegger Phenomenology in the Works of Alexandre Kojève. Article One. *Vestnik RGGU*, 3, 32–41. (In Russian)
- Rosen, S. (2000). Kojève à Paris. Chronique. *Cités. Le Corps Humain Sous Influence : La Bioéthique Entre Pouvoir et Droit*, 3, 197–220.
- Strauss, L. (1997). *De la tyrannie précédé de « Hiéron » de Xénophon et suivi de « Tyrannie et sagesse » d'Alexandre Kojève, « Mise au point » de Leo Strauss et de Correspondance Leo Strauss — Alexandre Kojève » (1932–1965)*. Paris: Gallimard.